

О КУДЫМКАРСКОМ ТЕАТРЕ

КУДЫМКАР (от спец. корп.). Шестого мая Кудымкарский театр дал последнее представление. Когда закрылся занавес, художественный руководитель Сикевский объявил коллективу, что нужно собраться «поговорить об итогах сезона».

Собрание открылось речью Сикевского. О чем говорил художественный руководитель? Обо всем. О работе балетмейстера, парикмахера, о своем характере и тому подобном. Но художественный руководитель не сказал о росте актеров, о больших вопросах театра.

Все ожидали, что его речь дополнит режиссер Чернышев. Но и он ничего существенного не сказал. На этом и собрание закрылось. Ни один актер, ни один работник сцены не выступил.

Такое молчаливое собрание — не случайность. Троцкистско-бухаринские бандиты, буржуазные националисты, ряд лет орудовавшие в Коми-Пермяцком округе, приложили свои грязные руки и к коми-пермяцкому искусству, и к национальному театру. В репертуар театра протаскивались кулацкие пьесы, в коллективе насаждались нравы закулисной жизни буржуазного театра, критика зажималась самым грубым образом.

Враги разоблачены. В театр пришли новые работники. Но затхлая атмосфера не была очищена, она сохранилась до сегодняшнего дня. Руководители театра — директор, художественный руководитель, режиссер — работали каждый по-своему, ни один не считался с мнением другого, не доверяли друг другу. Сикевский вместо того, чтобы сплотить коллектив, пустил слух о существовании в театре какой-то группы, разлагающей коллектив. Причем, не было названо ни одной фамилии. Это создало в кол-

лективе излишнюю подозрительность, недоверие.

В театре есть комсомольская организация, профсоюзная. Но они не дают и признаков жизни. Политико-воспитательная работа отсутствует, стенная газета вышла за весь сезон лишь два раза. Комсомол, профсоюз прошли мимо даже такого факта, как режиссерская «операция» над пьесой «Очная ставка». С молчаливого согласия уполномоченного Окрыля т. Можяева Сикевский выбросил из пьесы целые картины, как-то: на заводе, в кабинете следователя (сцена показания портных), сцену на квартире портного Гуревича. Зрители, видевшие эту пьесу в Свердловске, в постановке своего театра не узнавали ее, возмущались искажением. Но никто не прислушался к голосу масс.

Хозяйственное положение театра тяжелое. Здание требует капитального ремонта: зимой из-за холода переболела вся трупа, на ремонт здания средств нет.

Коми-Пермяцкий национальный театр накануне развала. Это видно сейчас всякому. Но странно, окружные организации смотрят на это холодно-кровно. Здесь вопросы искусства считают второстепенными: «был бы театр, а как он работает, как и чем живет его коллектив — это неважно!».

Эта политика ничего общего не имеет с политикой партии и советского правительства в искусстве. Кому, как не окружным организациям заботиться о развитии национального искусства, кому, как не окружным организациям, налаживать работу своего театра?

Должны проявить внимание и заботу о Коми-Пермяцком национальном театре и областные организации.

И. МИХАЙЛОВ